

Максим Горький

Рассказ об одном романе

Максим Горький
Рассказ об одном романе

«Public Domain»

1924

Горький М.

Рассказ об одном романе / М. Горький — «Public Domain», 1924

«Наконец гости уехали, с ними уехал муж; прислуга, утомлённая суетою шумных дней, стала невидима, и весь дом как будто отодвинулся в глубину парка, где тишина всегда была наиболее стойкой, внушительной и всегда будила в душе женщины особенно острое желание прислушиваться к безмолвной игре воображения и памяти...»

Максим Горький

Рассказ об одном романе

Наконец гости уехали, с ними уехал муж; прислуга, утомлённая суетою шумных дней, стала невидима, и весь дом как будто отодвинулся в глубину парка, где тишина всегда была наиболее стойкой, внушительной и всегда будила в душе женщины особенно острое желание прислушиваться к безмолвной игре воображения и памяти.

Женщине – лет двадцать семь; она маленькая, стройная, светлая, у неё овальное, матово-бледное лицо; глаза, цвета морской воды, несколько велики для этого лица, а выражение глаз – старит его; осторожно прикрытые длинными ресницами, они смотрят на всё вокруг недоверчиво и ожидающе.

Есть такие женщины, они всю жизнь чего-то ждут, в девушках требовательно ждут, когда их полюбит мужчина, когда же он говорит им о любви, они слушают его очень серьёзно, но не обнаруживая заметного волнения, и глаза их, в такой час, как бы говорят:

«Всё это вполне естественно, а – дальше?»

Было бы ошибкой назвать такую женщину рассудочной и холодной. Выйдя замуж, она честно любит мужа и терпеливо ждёт, когда же, наконец, вспыхнет ещё какая-то, может быть «бесчестная», но иная любовь? Такие женщины нередко уходят от мужей с другими мужчинами, оставляя мужу коротенькую записку карандашом и ровным почерком:

«Прости меня, Павел, но я не могу больше жить с тобою».

«Прости меня» – они пишут не всегда. С другими мужчинами они ведут жизнь иногда весёлую и «бурную», иногда – тяжёлую, непривычно нищенскую, но в обоих случаях ждут ещё чего-то. Говорят они мало, неинтересно, философствовать вслух – не любят и относятся к драмам, неизбежным в их жизни, со спокойной брезгливостью чистоплотных людей. Детей рожают неохотно. После всех значительных моментов их жизни странные глаза таких женщин смотрят так, как будто безмолвно спрашивают:

«И – только?»

Затем глаза темнеют, хмурятся упрямо, договаривают:

«Не может быть!»

И снова такая женщина чего-то ждёт, ждёт до той поры, пока уже ничего не нужно, кроме хорошего, крепкого сна или утраты памяти другим путём.

Одной из таких мало приятных женщин и была героиня романа, о котором я рассказываю, потому что не умею написать его так хорошо, как хотел бы.

Окутав плечи пуховым пензенским платком, она вышла на террасу дачи и села там в плетёное, скрипучее кресло. Багровые листья клёна и жёлтые берёз лежали у ног женщины на трёх ступенях террасы и на полукруге площадки пред нею. Между деревьев парка просвечивало красноватое небо, и все вокруг обняла прозрачная, чуткая тишина осени, как-то особенно музыкально, умело и необходимо подчёркнутая струнным звоном синиц. В жемчужном зените неба неподвижно застыл бледный круг луны.

Прикрыв глаза, женщина занялась уборкой души, – гости и муж насорили там множество слов о Толстом, охоте на уток, о красоте старинных русских икон и неизбежности революции, об Анатоле Франсе, старом фарфоре, таинственной душе женщины, о новом и снова неудачном рассказе писателя Антипы Фомина и ещё о многом другом. Всё это нужно было вымести, выбросить из памяти, и лишь очень немногое требовало, чтоб женщина внимательно и ласково подумала о нём.

Поперёк одной из половиц террасы глубокий след удара острым, – это писатель Фомин рубил змею топориком для колки сахара. Неуклюжий, тяжёлый человек, в эту минуту он был

ловок, точно кошка, и так воодушевлён, как будто возможность убить змею явилась для него долгожданной радостью. Он так сильно ударил, что топориче переломилось.

В тот же день вечером, здесь, на террасе, он читал начало своего романа о человеке, который усердно старался понять, хороший он человек или плохой, и, наделав немало дурного и хорошего, так и не понял ничего, а потом умер нудно и печально, одинокий, чужой сам себе.

Но о его смерти писатель рассказал, читал же он только четыре первые главы романа, в них описывалось, как молодой человек Павел Волков приехал в поместье своей сестры и невзлюбил её мужа, грубого до цинизма, считавшего себя энергичным культуртрегером. Эти главы показались женщине скучными, но хорошо был описан летний вечер и настроение героя, который, сидя в парке на скамье и стараясь уязвить женщину, ушедшую от него с другим, безуспешно пытался сочинить злые стихи и уже сочинил две строчки:

Луна любит игру лучей своих
И лжёт, как женщина, влюблённая в двоих.

А дальше у него ничего не слагалось, и он очень сердился на себя за свою бездарность.

В этот приезд Фомин более настойчиво, чем всегда, ухаживал за нею, интересно говорил о людях и своём одиночестве среди них, но она уже знала, как редко встречаются мужчины, которые, говоря с женщиной, приятной и желанной, умели бы молчать о своём одиночестве в мире; она знала, что почти нет людей, которые любили бы хвастать своим счастьем. И чем внимательнее слушала она писателя, тем более неясным казался он ей и наконец внушил странное впечатление: это – не человек, а сцена, на которой непрерывно разыгрывается бесконечная, непонятная пьеса. Внешне Фомин был достаточно характерен и выгодно выделялся среди людей; плотный, некрасивый, скуластый человек, очень рассеянный, детски небрежный к себе, он смотрел на неё греющим взглядом серых, но мягких глаз, говорил глуховатым, но гибким голосом и, чувствуя этот свой недостаток, уснащал речь богатой мимикой, обильными жестами, даже иногда притопывал ногами, как пианист, нажимающий педали.

И в то же время его как будто не было, а была толпа разнообразных мужчин, женщин, стариков и детей, крестьян и чиновников, все они говорили его голосом, противоречиво и смешно, глупо и страшно, скучно и до бесстыдства умно, а – где был сам Фомин среди них и каков именно сам он, – трудно понять.

О своей любви к ней он говорил этой женщине наивными словами юноши, который впервые почувствовал власть силы, преображающей душу, а через несколько дней он же говорил об этом с цинизмом человека, который уже не верит сам себе и в последний раз хочет испытать: не поможет ли ему увлечение женщиной усыпить едкое недовольство самим собою?

Ей было очень ясно, что он не наивен и не циник, не добр и не зол, не так умён, как талантлив, и она чувствовала, что истоком недовольства собою для Фомина служит его неудовлетворённое честолюбие. В конце концов у неё образовалось недоверчивое и осторожное отношение к нему: это человек, которого, в сущности, нет; хотя физически он существует, но того основного, что можно было бы назвать его душою, душой Фомина, окрашенной хотя бы и пёстро, радужно, а всё-таки в какие-то свои цвета, такой души у этого человека, видимо, нет. Это – не человек, а передвижной театр, в котором и режиссёр и все артисты воплощены в одном лице. Очень интересно, а – ненадёжно, непрочно.

Женщина улыбнулась, глядя в глубину парка, – забавная мысль смешила её: ведь невозможно любить в одно и то же время целую толпу разнообразных мужчин, хотя, может быть, очень интересно отдаваться многим, воплощённым в одном лице. Но вообще женщина, если она не хочет искалечить себя, не должна любить писателя, не должна. Покончив на этом с Фоминым, она ощутила чувство досады против сочинителя, но это чувство быстро сменилось недоумением.

Прищурясь, она смотрела в парк; там, между ветвей и стволов берёз, багровели разнообразные фигуры, чётко вырезанные на фоне вечерней зари, а на скамье сидел человек в белом костюме, в шляпе панама, с тростью в руке.

«Это – кто же? – спросила она себя. – Ведь – все уехали. И – в белом костюме, не по сезону. Все наши – уехали», – ещё раз напомнила она себе.

Но было неприятно ясно, что один остался. А может быть, это незнакомый зашёл в парк и сидит, любуясь отблесками зари на воде пруда? Но почему он в летнем костюме? Вот он чертит по земле тростью, и женщине показалось, что слышно, как шуршат сухие листья. Через несколько минут решила послать горничную, посмотреть: кто этот человек?

Встала, – заскрипело кресло; звук очень ясный в тишине, но человек не услышал его. Тогда женщина сама спустилась со ступенек террасы на холодную землю, пошла по дорожке и заметила, что она неестественно быстро подошла к человеку, а его фигура не стала вблизи ни крупнее, ни отчётливее, оставаясь такою же, какой она издала увидела её.

Это был, разумеется, один из бесчисленных фокусов вечернего освещения, но более странным было то, что человек этот, красновато освещённый огнём зари, не давал тени. И листья, которые он сгребал своей тростью, не шуршали, более того – они не двигались, когда конец трости касался их. Затем женщина почувствовала, как будто нечто, неосяземо обняв её, кружит в медленном вальсе.

Человек поднялся встречу ей, вежливо, но как-то неумело снял шляпу, поклонился и спросил негромким, сухо шелестящим голосом:

– Простите, – это вы и есть?

Человек молодой, элегантно одет, но довольно бесцветный, с длинным сухим лицом, голубоглазый, с маленькой русой бородкой. Что-то неестественное, полупрозрачное, стеклянное было в его неподвижном лице. Он не напомнил женщине никого из её знакомых, но казалось ей, что она видит его не впервые.

– Странный вопрос, – сказала она, усмехаясь. – Конечно, это – я.

– Да?

Человек тоже механически усмехнулся, от этого лицо его сделалось жалким.

– Значит, – вы и есть та женщина, которую я должен встретить?

Он тотчас же добавил, беззвучно ударив тростью по своей ноге:

– Впрочем, я не уверен, должен ли встретить здесь женщину...

Женщина пристально смотрела в глаза его, – такие глаза бывают только на портретах, необходимо некоторое усилие воображения, чтоб признать их живыми. Видимо, этот человек очень застенчив, и, вероятно, тут какая-нибудь конспирация, – это один из таинственных друзей мужа или Веры Ивановны скрывается от жандармов, и вообще – это политика. Но как нелепо нарядили его!

– Вы от Веры Ивановны? – спросила женщина, он ответил тоже вопросом:

– Она тоже участвует в романе?

– В романе? Что вы хотите сказать?

Человек мотнул головой.

– Я не помню там женщины с таким именем...

– Где – там?

– В романе.

«Сумасшедший?» – мелькнула у неё догадка, и, плотнее кутаясь в платок, она сказала сухо:

– Я не понимаю: почему, о каком романе говорите вы? И, мне кажется, я имею право спросить: кто вы?

Человек взглянул на неё пристально, его нарисованные глаза выразили явное недоумение, но он тотчас же улыбнулся и согласно кивнул головою.

– Разумеется, это ваше право. Я думаю, что с этого – вот с этой встречи – и начинается роман. Должно быть, так и предназначено автором: сначала вы относитесь ко мне недоверчиво, даже неприязненно, а затем... Я не знаю, что будет дальше, вероятно, для меня всё это кончится новой драмой...

«Сумасшедший!» – решила женщина, внимательно слушая медленную, бесцветную речь и следя за его лицом, – лицо становилось как будто живее, менее плоским. Сама же она чувствовала себя очень странно, как будто засыпала, и у неё явилось желание слушать его молча, не прерывая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.